

УДК 32.001

ГУМАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА КАК ЕЕ АКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС

© Михаил Анатольевич КАЗАКОВ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация, доктор политических наук,
профессор кафедры прикладного политического анализа
и моделирования, e-mail: kazakov_mihail@list.ru

© Анна Александровна ЗУБКЕВИЧ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация, аспирант,
кафедра «Политические институты, процессы и технологии»,
e-mail: zubkanna@gmail.com

Дано видение гуманизации политики как специфического процесса России, особенности которого ярко проявляет эволюционный феномен национального политического лидерства. Актуальность его изучения подчеркивается новым теоретическим обоснованием ценностного и экологического подхода к субъектам политики, способствующего повышению эффективности научного дискурса по проблеме лидерства как ресурса оптимизации современных политических отношений страны. Специфика самих отношений лидерства определяется необходимостью перманентного подтверждения субъектом своего права лидирования и своеобразием процесса (способа) его институирования. Он включает не только формально-юридическую, но и духовно-нравственную легитимацию в недрах общества, его культуре. Зафиксированный принцип метаорганизации позволяет уточнить «дорожную карту» исследования применительно именно к этому аспекту, остро нуждающемуся в новой концептуализации.

Ключевые слова: гуманизация политики; гуманитарные технологии; ценностный и экологический подход; неопределенность; институционализация; политическое лидерство; человеческий потенциал.

Гуманизация политики транзитивных стран, будучи сложным волнообразным процессом, связанным с модернизацией, в современных кризисных условиях требует нелинейного решения по обеспечению *человечности* политических отношений как в рамках отдельных государств, так и за их пределами. Его принятие – удел политических лидеров ведущих стран мира, не исключающее немедленного реагирования на возможные изменения ситуации. Кроме того, гуманизация политики, как один из трендов глобализации, создает высокую вероятность (для конкретных стран, их коалиций в определенные исторические периоды) эволюционных феноменов, порождающих как новые вызовы мировому сообществу, так и ответы на них, важных и для динамики глобализации и перспектив, разрешающих конфликтные ситуации между странами и представляющими их организациями, где лидерство ресурс и тест на их оптимальность.

Объектом в статье выступает процесс гуманизации политики РФ, предметом – фе-

номен национального политического лидерства в конкретной сфере социальных связей – гуманитарной среде. Цель – уточнение «дорожной карты» исследования. В основание концепции положено понимание политического лидерства как социального *отношения*, формирование которого следует из диалектики связей субъекта и объекта лидерства в автономной, по сути, нелинейной социокультурной системе, ограниченной рамками общности. В свою очередь, на уровне политической системы общества оно разворачивается из взаимодействия ее элементов, где отношения лидерства функционируют уже в мерно-поступательной институциональной форме.

Современный политический анализ исходит из сопряженности пространственных и политических категорий, полезных своей *эксплицитностью*, концепций – *верификацией*. В этом смысле *институционализация*, как а) учреждение каких-либо новых общественных институтов; б) правовое и организационное закрепление тех или иных отношений

после сбора и обобщения эмпирических фактов предстает в нашем видении главной *гипотезой*, на основе чего строится изложение материала. Поскольку работа пока больше носит описательно-рефлексивный, чем аналитический характер, она охватывает небольшие, но принципиально важные обследуемые совокупности и сосредотачивается на разборе теоретико-методологических оснований исследования, установлении связи между характеристиками (изучаемых как объект и предмет) и явлениями, коррекции гипотезы. В ходе выполнения этих задач были уточнены нужные для исследования представления.

Для разработки проблем институционализации современного политического лидерства (тем более индивидуального) в контексте гуманизации российской политики необходимо использовать методологические принципы антропологического и поведенческого (в отечественном варианте деятельностного) подходов. Они позволяют рассматривать политическое лидерство в качестве специфической политической деятельности и сложной интеракции, в виде основополагающего признака которых выделяются политические интересы и ценности.

Ставя во главу угла субъективные способности человека, антропологический принцип как методологическое основание построения моделей поведения человека в жизни и обществе может быть объяснительной и диагностической матрицей в исследовании отечественных политических элит и лидеров [1, с. 12]. Она находит свою конкретизацию в рамках *ценностно- или субъектно-деятельностного* подхода (М. Вебер, П. Штомпка, Г.Г. Дилигенский, Т.И. Заславская, А.И. Соловьев, М.А. Казаков, А.Ю. Мельвиль, М.А. Мень, Ю.М. Резник, Е.Б. Шестопал и др.). Деятельность здесь – всегда субъектна (по источнику и целям), всегда предметна (объектна) и, как деятельное преобразование реальности в действительность практик, находит выражение в *общности* как форме существования и организации социума и *субъектности* как предельной форме явления Другим.

Соответственно, субъект политики есть «живое воплощение» общественно-политической деятельности в ее антропологическом, онтологическом (онтогенез) и профес-

сиональном (профессиогенез) смыслах. Становление субъектности – это равнодействующая совокупность естественных и искусственных процессов страны в их «производственно-временном» измерении – начальный этап. Институционализация субъектности – от модели к практикам процесса и ресурсам – их результирующая сегодня.

В условиях глобализации как общего вектора развития модернизирующегося мира, информационного общества (его индустрии), где увеличивающееся количество отдельных практик все больше начинает быть связано с другими, формируется *сетевая структура* политической деятельности и взаимодействия. Включение в нее субъекта политики и реализация им своего потенциала в разных пространствах требует профессиональных (в т. ч. «мягких») компетенций и позиции эксперта, способного к *конструированию новых эталонов средств и предметов деятельности в ситуации неопределенности*.

«Горькой, но не неоспоримой истиной последних лет стало то, что теоретики уже не успевают за быстро меняющейся реальностью, их прогнозы и модели чаще всего не исполняются или опровергаются и отчасти поэтому всепроникающим настроением в мировой науке, занимающейся концептуализацией современности, в последнее время становится апатия, стагнация, нежелание выдвигать новые метатеории... В контексте очередного всплеска эсхатологических настроений и нового витка глобального кризиса ряд современных интеллектуалов обратились к переосмыслению катастрофического сознания и мышления, отметивших нашу эпоху, к поиску качественно отличных от прежних оснований миропорядка, человеческой субъектности и интересубъектности, понимаемых не на прикладном национальном или региональном уровне, а не иначе как в масштабе глобальных размышлений о будущем всего человечества» [2, с. 129].

Гуманизация политики России – тема конкретная и практико-ориентированная. Поэтому с учетом основных реакций в глобальном публичном дискурсе (ревестернизации, девестернизации, альтерглобальной экософии и т. п.) свой уровень анализа мы начинаем с обеспечения исследования механизмами «фильтрации» и «переоформления» потоков информации в некие рамки. Помимо

хронологии, охватывающей «кризисный период», т. е. с 2008 по 2018 гг., исходным в содержании может быть то, что в этом «скользком отрезке» социального времени исчезают признаки культурных и политических традиций. И человек, оставаясь один на один с неопределенностью, вынужден либо «плыть по течению», либо «быть технологом», самообеспечивающим решение жизненно-важных проблем. Сложнейшей практической задачей субъекта деятельности при этом становится то, чтобы его исходный проектный замысел не резонировал, не противоречил другим, принадлежал не только одному ему, а сообществу, связанному общей проблемной ситуацией совместной деятельности (не случайно в позднее советское время главной функцией управления считалось конструирование адекватного трудового коллектива).

Особую актуальность приобретает вопрос о роли тех средств воздействия на человека, которые в своей совокупности и составляют *гуманитарную технологию* как процессы самоорганизации, самореализации людей и управления ими. С изменением среды, как известно, меняется и личность, ее потребности, интересы. Учет этих факторов, опосредующих звеньев в их взаимосвязи и взаимозависимости, является необходимым условием эффективного управления организациями, социальными группами, на достижение чего и «были брошены» в тот период официальные силы. Включая и политическое лидерство как сетевую структуру интеракции (на «вершине», которой тогда стоял Д.А. Медведев), обеспечивающую поиск и нахождение консенсуса между взаимодействующими социальными акторами и субъектами.

Сложившиеся практики принятия политических решений и взаимодействия «масс-элит»: сбор исчерпывающей информации о социальных объектах без конкретных (включая этические) фильтров, отсекающих лишние детали, не отражающих базовые тенденции развития; практики реорганизации и манипулирования, предполагающие не столько потребность в «многофакторных проектах», сколько точности моделей и оперативности реагирования и т. д. – привели к производству различных продуктов деятельности, которые стали обслуживать цели и задачи людей как в соответствии с их моти-

вами и решениями, так и вне их. Сетевые связи, выступая как самостоятельная деятельность, усилили различия в восприятии проблем, неоднозначность их понимания, разброс в следующих за решениями действиях индивидов и групп.

Гуманитарные технологии, задействованные властью в публичной политике преимущественно декларативно, проявили себя подобающим образом. Считающиеся необходимым элементом модернизации ведущих сфер современного общества, они лишней раз показали, что «не являются ее причиной». «Обнажают в своем применении не только перспективы развития, но и ряд негативных моментов»; «по определению могут носить как репрессивный, так и благотворный характер»; «повышают эффективность жизнедеятельности людей в сфере общественных отношений. При условии, что они сами как субъекты политического процесса готовы на этическое, творческое и общепольное их использование по отношению к Другим» [3].

Востребованность гуманитарных технологий в РФ будет возрастать по мере углубления профессионализма элит и лидеров в условиях разрешения нынешнего глобального кризиса, сковавшего общие тенденции развития мироустройства, которые, согласно мнению большинства политологов, и определяют внутривнутриполитическое состояние отдельных стран и регионов. Однако это не единственный однозначно принятый фактор. Рассматривая широкий спектр идей – от философии экологического гуманизма до экологизированного православия, – исследователи экологических проблем надеются на идеологические и нравственные приоритеты в преодолении глобального кризиса [4, с. 446]. Наиболее приемлемым способом работы с расколотой гуманитарной средой России был и остается *экологический подход* (В.Г. Горшков, Н.Н. Моисеев, Б.Б. Прохоров и др.).

Одной из ключевых его характеристик также является «вписывание» в глобальный ландшафт и бережное использование того, что есть. Но с акцентом в его современной редакции на «несущих конструкциях» (принцип цивилизации, к примеру) и базовых параметрах преобразования среды, четко соотнесенных в стратегии развития страны (посредством механизмов субъективации,

самоопределения и целеполагания) с ее собственной траекторией, а также совокупностью и направленностью тех точечных воздействий, через «что и как» в итоге стратегия будет реализована. Такой разворот потребовал принципиально новых решений в *управлении многообразием социально-политической действительности*, по отношению к которой (как опять же нелинейной системе) понятия «лидерство» и «организация» стали ведущими в ее развитии. Прежде всего потому, что в современном мире с каждым днем растет значимость *человеческих связей* как предмета конструирования, а главным ресурсом становится *организация*.

Уникальность политического лидерства как связующего звена, главного источника информации, модератора и т. д. сопряжена с его двойственностью: с одной стороны, через функцию воспроизводства (культурных и институциональных форм жизнедеятельности) оно обслуживало ту парадигму сознания, которая в данный момент истории доминировала в обществе. С другой – через функцию его развития формировало предпосылки и условия появления новой парадигмы и сознания, и поведения. Иными словами, в понимании не только предмета, но и его связи с объектом заложено основное противоречие политического лидерства. В свою очередь, форма его организации имеет смысл и может быть воплощена на практике только в обстоятельствах соблюдения конкретных по содержанию регулирующих принципов и объединяющих ценностей.

«Институт» в рамках социологической и политологической традиции как раз и представляет собой тот объяснительный принцип, что соотносит индивидуальное по своей природе поведение с набором правил, которые, являясь обобщением, обеспечивают социальную координацию и политический порядок. Современное понятие «организация» в этом ряду видится в двух фокусах: как модельное представление о связи уже существующих ресурсов и как процессуальное представление, в котором организация является целенаправленным процессом. *Институционально-процессуальное представление выводит организацию в ранг отдельно рассматриваемого, а в связке с лидерством и наиболее актуального ресурса в современной социокультурной ситуации.*

Конструирование такого типа ресурса связано с переходом от использования схемы *последовательных* действий к *запараллеливанию* процессов. Его смыслом является одновременная *разнонаправленность* совершаемого действия в конкретный промежуток времени, позволяющая «сжимать и развертывать» его в другую нужную сторону при достижении цели. (Нео)институциональный подход в его комбинациях с другими методами углубляет возможности такого конструирования и одновременно ориентирует на поиск того общего, что «сплачивает» институт лидерства. Определяет *организацию деятельности и отношений лидеров* в сфере политики и экономики, воплощающих в рыночной среде нормы и правила поведения управляющих и управляемых; нацеливает на идентификацию *интересов и смыслов*, которые по П. Бергеру и Т. Лукману образуют «общие релевантности», где опосредованно институционализация – это взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [5, с. 92]. Или применительно к лидерам это «своеобычность» их «взаимоотношений с другими» [6, с. 11].

Такое изменение акцентов, важность сохранения субъектами политики возможностей построения собственных линий деятельности в условиях неопределенности приводят лидеров к необходимости освоения средств «*метаорганизации*» как базового в обстановке нынешней напряженности способа управления многообразием социально-политической действительности. При этом речь не идет о «реанимации» организационного анализа в духе 70–80 гг. XX в., описывающего управление как целостную систему, обладающую внутренней связанностью и логикой. Метод изучения дисфункций, характерных для него, уступает место изучению процедур и механизмов, направленных на решение комплекса разнородных задач в режиме поиска «общего значения».

В этом теоретико-методологическом контексте понятие «института», взятого в качестве объяснительного принципа, позволяет описывать искомое объединительное значение в позитивной формулировке. Оно фиксирует феномен идентификации, необходимой, чтобы ограничить поле, в котором организуется сопротивление неопределенности [7, с. 64], и наделяет «по своим когни-

тивными схемам посредством своих процедур» (М. Фуко, 1993) общим значением (или системой правил) его участников и субъектов – элит и лидеров. Институционализация в данном случае может быть представлена процессами их политического самоопределения, самоорганизации и интеракции.

Первый характеризуется как когнитивный процесс, в ходе которого властный субъект не только осваивает основные процедуры восприятия и мышления, но и нарабатывает комплекс знаний и ценностей, соответствующий потребностям легитимации. *Процесс самоорганизации* (на примере региональных элит), в основании которого лежат их смысловые системы и особый статус правящих на местах групп, позволяет принимать им существенные в масштабах территориальной единицы решения и формировать спектр внешних и внутренних отношений. В модели их *интерактивности* сохраняется упор на стабильность общественно-правовых взаимодействий и становление новых видов консолидации как «внутри себя», так и в общегосударственном масштабе [8, с. 75, 76].

Следовательно, метаорганизация как востребованная временем для большей координации деятельности субъектов современной политики институция («организация организаций») и как интенсивно развивающаяся институционализация новых реалий общественно-политической жизни не просто видоизменяет действительность, а за счет изменения ее внутренних и внешних связей фактически выстраивает *новую систему деятельности лидеров*, отличную от функций менеджмента и бизнеса, которые «внутри» нее, но близкую теоретически к культуре как способу объяснения мира. Тут надо сделать некоторое отступление в виде пояснения.

В институционализме термин «культура» часто трактуется как совокупность правил и кодов, как социальная практика коллективного опыта (памяти) конкретного общества. *Институт* создает и легитимизирует когнитивные категории, к которым прибегает индивид, формируя свои представления о мире, задает сами критерии ориентации и отношения к нему. Именно в этом *институт* пересекается с *культурой*, обретая качество историчности, традиционности. Культура воспроизводится в институциональной деятельности, а институты являются ее носите-

лями в формулах «объяснения», «обоснования» и «легитимации». Если их интерпретировать в терминах *ролей*, то на первый план выходят «стратегические роли, связанные с аппаратом легитимации данного общества» [9, с. 126-127]. Соответствующими функциями располагают те, кого мы причисляем к элитам и лидерам. В новейшей истории России – это В.И. Ленин, И.В. Сталин, Б.Н. Ельцин.

Возвращаясь к основной логике, можно выделить три принципиальных (и одновременно предварительных) для исследования положения. *Первое*: политическое лидерство выступает персонально деятельностным началом власти, реализующим себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое (властное) первенство [6]. *Второе*: специфика отношений лидерства определяется необходимостью перманентного подтверждения субъектом своего права лидирования и своеобразием способа его институирования, включающим не только формально-юридическую, но и духовно-нравственную легитимацию в недрах общества, его культуре. Соответственно, *третье*: лидерство как персонафицированная совокупность стратегических ролей в обществе обладает институциональным измерением в той мере, в какой его право на первенство закрепляется в производстве систем правил и создает общее объединительное значение для страны, в чем состоит его символическая функция.

Только тогда (что и требуется доказать) новая система деятельности лидеров оказывается способной при приоритете этических норм (т. к. она как бы «вне» и «над» иными видами деятельности) и на основе правовых, общественных и экономических регуляторов к определению судьбы самой структуры действующих политических отношений. Рост влияния гуманитарных факторов на процесс принятия решений (особенно в контексте событий соседних стран) сформировал в кругах элиты системный государственный заказ на гуманитарную повестку дня и стал катализатором институционализации идей и действий, направленных к оформлению гуманитарного проекта РФ, двигателем которого является институт политического лидерства.

Уже эти методологические и научно-практические ориентиры, безусловно, тре-

бующие своего развития, позволяют в *виде гипотезы* считать: предметом и содержанием текущего этапа институционализации современного типа лидерства в условиях быстро меняющейся ситуации становится организационное закрепление способностей постоянно конструировать (при умении сдерживать и регулировать, что демонстрирует феномен В.В. Путина) границы неопределенности и адекватно-рефлексивные методы преодоления ее проявлений в сложной сети взаимодействий [10]. Только так лидеры нового типа будут соответствовать динамике изменения ситуации, новым ролям и местам их деятельности, необходимой связи между ними и гуманитарной средой, неудовлетворенной в некоторых сегментах не направленностью, а реализацией собственного человеческого потенциала в рамках общего гуманитарного проекта.

1. Казаков М.А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия *субъектности* и *гуманитарных технологий* // Нижегородский журнал международных исследований. Н. Новгород, 2009. Осень–зима. С. 11-19.
2. Тлостанова М.В. Анатомия счастливой жизни в эпоху глобализации: размышления о возможных сценариях ближайшего будущего человечества // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2012. Т. 14. Вып. 3. № 73-74. С. 127-142.
3. Казаков М.А. Гуманитарные технологии в современном политическом процессе России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 1 (57). С. 88-91.
4. Акимова Т.А., Хаскин В.В. Экология. М., 1999.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
6. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1993.
7. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дука. СПб., 2001.
8. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: монография. Н. Новгород, 2004.

9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
10. Казаков М.А. Современное политическое лидерство России: логика и зигзаги эволюции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1-1 (1). С. 371-376.

1. Kazakov M.A. Tsennostno-deyatelnostnyy podkhod v issledovanii sovremennykh politicheskikh elit i liderov: ponyatiya sub"ektnosti i gumanitarnykh tekhnologiy // Nizhegorodskiy zhurnal mezhdunarodnykh issledovaniy. N. Novgorod, 2009. Osen'-zima. S. 11-19.
2. Tlostanova M.V. AnATOMiya schastlivoy zhizni v epokhu globalizatsii: razmyshleniya o vozmozhnykh stseneriyakh blizhayshego budushchego chelovechestva // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Mezhdunarodnyy zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk. 2012. T. 14. Vyp. 3. № 73-74. S. 127-142.
3. Kazakov M.A. Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom politicheskom protsesse Rossii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. T. 1. № 1 (57). S. 88-91.
4. Akimova T.A., Khaskin V.V. Ekologiya. M., 1999.
5. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. M., 1995.
6. Kazakov M.A. Politicheskoe liderstvo: sovremennyye problemy evolyutsii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 1993.
7. Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii / pod red. A.V. Duka. SPb., 2001.
8. Kazakov M.A. Regional'nye elity v politicheskom protsesse Rossii: monografiya. N. Novgorod, 2004.
9. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. M., 1995.
10. Kazakov M.A. Sovremennoe politicheskoe liderstvo Rossii: logika i zigzagi evolyutsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 1-1 (1). S. 371-376.

Поступила в редакцию 19.01.2015 г.

UDC 32.001

HUMANIZATION OF RUSSIAN POLICY: PHENOMENON OF NATIONAL POLITICAL LEADERSHIP AS ITS ACTUAL RESOURCE

Michael Anatolevich KAZAKOV, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Doctor of Politics, Professor of Department of Applied Political Analysis and Modeling, e-mail: kazakov_mihail@list.ru

Anna Alexandrovna ZUBKEVITCH, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Post-graduate Student, Political Institutes, Processes and Technologies Department, e-mail: zubkanna@gmail.com

There is given a view of the political humanization as a specific Russian process which peculiar features are elicited by the evolutionary phenomenon of the national political leadership. The actuality of the research is underlined in by the new theoretical explanation of the axiological and ecological approach to the subjects of policy which contributes to the increase of the scientific discourse's effectiveness on the problem of the leadership as a resource of optimization of the present-day political relationship of the state. Specifics of the very relations of leadership is determined by the necessity of subject's permanent confirmation of its right to lead and by the singularity of the process (approach) of its institutionalization. It includes not only the formally judicial, but also spiritually-moral legitimation in the core of society, in its culture. The fixed principle of meta-organization allows to clarify the "road map" of the research in the context of this very aspect which is acutely needed in this new conceptualization.

Key words: humanization of the policy; humanitarian technologies; axiological and ecological approach; ambiguity; institutionalization; political leadership; human potential.